

РАДОСТЬ ПОИСКА

лали его героя глубоко симпатичным зрителю. Когда же дерзновенно смелый рисунок роли Аветика пы-

Не один десяток прожитых лет за плечами грузинского театра имени К. Марджанишвила. А он по-прежнему молод, по-прежнему беспокойный дух поиска приводит на его афишу имена классиков мировой литературы и авторов молодых, начинающих, забытые названия отечественной драматургии и инсценировки произведений, получивших широкое признание сегодняшнего читателя.

Вот и на этот раз в его московском гастрольном репертуаре пьесы о далеком прошлом Грузии и ее настоящем, поэтическая легенда в сочной бытовой комедии, современная французская и испанская драматургия.

Во всю ширину сцены распахнулся огромный синий-синий горизонт. И над ним солнце, тоже огромное, золотое, словно сплетенное из спелых пшеничных колосьев. А под этим синим небом, под этим золотым солнцем на вершине холма два легких силуэта — мальчик и девочка, безмолвно застывшие перед величественной красотой природы.

И снова синее-синее небо. Откуда-то из глубины сцены, как по проселочной деревенской дороге, движется арба, которую тянут за оглобли, с шутками и криком подталкивают сюда пестро одетые люди в масках — бродячие комедианты. И вот уже шумная ваканса заполнила весь проселок, готовясь к очередному представлению.

Или еще одна красочная жанровая картинка. Деревенский домик, прилепившийся к склону горы под бездонно синим небом, массивная арка ворот, сложенная из серых неотесанных камней, стайка девушек, приоткрытая на высеченных в скале ступеньках.

Три своеобразные заставки разных спектаклей — поэтическая, броско-театральная, бытовая. Будто и несхожи они между собой. Но за лирическим дуэтом юных героев спектакля «Я вижу солнце» непосредственно следует сочный юмор и бытовая достоверность. В полулегенду, полубыль о чудодейственном мече Кахаберя, которую подчеркнута театрально разыгрывают бродячие комедианты, впадется героика и патетика. А сатирическому, полчас даже гротесковому режиссерскому прочтению пьесы «Иные выключе времена» несколько не мешает фивал — неожиданно тонко решенный средствами танца и пантомимы.

Но кто же тогда определяет лицо театра, позволяет говорить о целостности и единстве его спектаклей? Режиссер? Художник? Актер?

Да, актер, и прежде всего актер. В этом сила театра имени Марджанишвила. Но в этом, как ни парадоксально и некоторые его просчеты.

Словно темчайшее золототканое кружево, плывет удивительный узор роли Бабушки Верико Авджаларидзе («Деревы умирают стоя»). Каждый ее выход на сцену — целый мир новых, неповторимых мыслей и чувств. И невольно забывается при этом вся утешительная сущность пьесы А. Касова — ложь во спасение. Невольно прощаешь спектаклю и другое — явное активирование многими исполителями мелодраматических моментов.

Почти карикатурный образ городского лодыжки Аветика нарисовал Васо Годзвашвила в спектакле «Иные выключе времена» А. Цагарели. Но любовь к человеку, добрый юмор, мудрость сердца большого артиста спа-

таются окупать остальные актеры, рожаются фальшь, пантриш, представительство.

Вот отчего наиболее опутанные победы марджанишви одерживают там, где четкая режиссерская мысль находит отклик у всех исполнителей.

Ну как рассказать, например, в наши дни о давно минувшей старине интересной, казалось бы, только узкому кругу исследователей-историков, о том, каким образом вероломный изменник Вахтаг-хая отнял трон у законного царя Грузии, а потом сам был низвергнут народом, владевшим чудо-мечом Кахаберя? И режиссер Г. Лоракшвадзе находит интересную, яркую, по-настоящему театральную форму представления — спектакль в спектакле. Тогда правомерными становятся гипербола и гротеск, комедийно-преувеличенные страсти, разыгрываемые бродячими артистами в полном соответствии с традициями и духом грузинского народного театра.

Иные средства выразительности находят тот же режиссер в спектакле «Я вижу солнце». О мужестве и стойкости людей в годы сурового испытания, об их душевной ясности и чистоте отношений, о щедрости человеческого сердца рассказывается просто и сдержанно.

Мы знаем будни небольшого грузинского села в тяжелую военную пору и в первые мирные послевоенные дни. Здесь работают, учатся, любят и ненавидят, терпят самых дорогих людей и обретают единственную в жизни любовь. И все испытания, и все чувства достаются поровну детям и взрослым, детям даже больше, потому что постигают они все это впервые. Наверное, не случайно поэтому одна из лучших сцен — ночной разговор Хатия (К. Кикиадзе) и Сосона (К. Амаглобели) с пустившими их на ночь старыми Кавано (Т. Схиртадзе) и Бабило (Б. Гогичава). Слепая Хатия не вылет своих ридущих поэтов, во сердце посылывает ей, что тут друзья. Сначала медленно, а потом все горячее и горячее говорят она о себе, о Сосона, его сиротстве, утешает одиноких стариков, а вот уже за столом как бы одна семья, у которой в радость — вместе, и горе — пополам.

Не всегда, к сожалению, до конца выдержана в других постановках театра та мера хорошего вкуса, которая отменяет «Я вижу солнце».

Ведь вот, казалось бы, такое количество блестящих работ в спектакле «Я, бабушка, Илько и Илларион». Здесь что ни роль, главная или эпизодическая, то удачи, буквально солнечная актерская мастерство часто переходит в свою противоположность. Распадается на отдельные номера-эпизоды единая ткань спектакля, уходит, теряется смысл целого.

Да, театр имени Марджанишвила — это актерский театр, и встреча с его замечательными мастерами надолго остается в памяти. Только пусть, заботясь о будущем коллектива, его руководство и мастера старшего поколения не забывают об актерской молодежи, воспитывают смелую, достойную принять из рук корифея славную эстафету. Пусть и у театра будет одна семья, одна радость.

Н. БАЛАШОВА.